ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

© 2011 г. Алла Владимировна Кузьмина¹

Краткая аннотация: статья рассматривает актуальные проблемы исследования интересов субъектов с позиции теоретико-методологической альтернативности и поиска, приемлемого, познавательного, рефлексивного консенсуса.

Annotation: this paper considers the actual problems of the investigations of entities interests from the standpoint of theoretical and methodological alternative and exploration of acceptable, cognitive and reflective consensus.

Ключевые слова: теоретико-методологический плюрализм, правовые универсалии, баланс естественности и позитивности в правоприменении, интерес в правовом поле, юридический интерес, правоприменительный интерес, субъекты правоприменительных интересов.

Key words: theoretical and methodological pluralism, legal universals, the balance of natural and positive law enforcement, the interest in the legal field, legal interest, law enforcement interest, the entities of law enforcement interests.

В атмосфере научно-интеллектуального творчества, безграничного плюрализма любое теоретико-правовое конкретно-предметное исследование целесообразно начинать с определения исходной “точки зрения” на более широкий мировоззренческий, методологический контекст, в котором предполагается подвергнуть авторской рефлексии ту или иную предметную правовую реальность, в данном случае – реальность бытия современных правоприменительных интересов, учитывая при этом, что рамки журнальной публикации накладывают определенные ограничения на отвлечения от обозначенной в названии статьи темы.

Принципиально важным компонентом подобного самоопределения является отношение к сущности права вообще и к категории, выражающей эту сущность.

“В сущности, – отмечает Г.В. Мальцев, – право есть образ порядка, способного себя сохранять и поддерживать, подтверждать свое существование во времени и пространстве”².

С нашей точки зрения, эта глубокая мировоззренческо-методологическая формула позволяет исследователю более системно выявлять в структуре права, в том числе и в структуре правоприменительных интересов, два типа реальности – реальности как объективных феноменов и

реальности как ее образов, формирующихся в сознании субъектов.

Одна из функций методологии познания – преодоление существенных различий между правовым бытием и образами права, между объективностью правоприменительных интересов и весьма плюралистическими, а нередко и неадекватными представлениями о них, в структурах общественного сознания.

Среди универсалий права вслед за многими представителями теоретического правоведения, в том числе и отечественного, мы выделяем феномены регулируемости, убедительности, признаваемости, естественности, легитимности, присутствия “снятого” бытия интересов, воли, иных духовных ресурсов в правовой реальности.

Но столь общего самоопределения ныне недостаточно, ибо концептуально-мировоззренческая специализация в современном отечественном правоведении достигла такого многообразия, которое явно не способствует выходу в сферу дискуссионного конструктивизма и исследовательской результативности. Для характеристики современного концептуально-мировоззренческого плюрализма некоторые отечественные правоведы применяют такие “весомые” понятия, как “кризис”, “разлом”, “концептуальный тупик” и т.п.

“Систематизируя все обилие типов правопонимания, которое обсуждается сейчас в российской теории права, – отмечает В.В. Лапаева, – можно сказать, что главный мировоззренческий разлом в этих дискуссиях идет по линии противоборства между прежним системоцентристским подходом, трактующим право как инструмент воздействия

¹ Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, заместитель председателя Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций, кандидат философских наук (E-mail: alla@bf-zdn.com. Тел.: (495) 692-33-53).

² Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 5.

на человека в интересах доминирующего над ним государственного начала, и формирующимся человекоцентристским типом правопонимания, рассматривающим права человека в качестве высшей ценности социально-правовой системы. Итогом этих дискуссий, как предполагается, должен стать такой теоретический консенсус по вопросу о понятии права, который мог бы лечь в основу базовых доктринальных положений о позитивном праве, составляющих в своей совокупности догму права. На мой взгляд, по результатам именно этих дискуссий можно будет с большой долей вероятности судить в целом о степени и характере осуществляемых в стране преобразований. Если наша теория права (а значит, и правовая практика) останется на позициях легистского правопонимания, отождествляющего право с любым установлением государственной власти, то это будет означать поверхностный характер перемен во всех сферах общественной жизни, которые так или иначе опосредованы правовым регулированием.

Если же в своих поисках доктринального правопонимания теория права склонится в сторону заложенной в Конституции РФ человекоцентристской правовой идеологии, то перед ней встанет выбор между двумя подходами: доминирующей в западной юриспруденции естественно-правовой доктриной и либертарной концепцией права, сложившейся в российской теории права в советский и постсоветский периоды ее развития на основе творческой рационализации той версии юснатурализма, в рамках которой естественное право рассматривается не как реально действующее право, а как абстрактный этический идеал для законодателя”³.

Размышления автора убедительны и актуализируют проблематику концептуального, хотя бы минимально приемлемого консенсуса по поводу доктринальных правовых универсалий.

Но, с нашей точки зрения, это должен быть консенсус и теоретиков права, и субъектов отечественной правовой политики, и законодателей, и ключевых правоприменителей. Наконец, на пути к подобному консенсусу необходимо услышать мнение “фундаментальных” субъектов власти и права – хотя бы наиболее активную часть гражданского сообщества. Иначе это будет недостаточно убедительный консенсус, по крайней мере для субъектов практического правотворчества, правоприменения, правопользования.

Ныне, как представляется, на пути безусловной доминанты парадигмы естественного права, в явной или неявной форме встает вопрос, иницируемый прежде всего максимально успешным международным бизнесом: а кто будет платить по счетам естественного права? К примеру, права на достойную человека жизнь?! Причем жизнь не только в Англии, Японии, Норвегии, США, России, Китае, но и в тех странах, которые занесены в реестр “вечно отставших”, где душевное ежедневное потребление большинства групп населения составляет менее 1 долл.

Любой профессионал-государственник хорошо понимает и осознает суть вопроса и имеющие к нему отношения те или иные последствия.

Проблема не только в теории, но и в практике ее реализации.

Во многих случаях национальный и транснациональный бизнес, ратуя за ослабление системы государственных властно-правовых регуляций, в том числе и связанных с получением ресурсов для реализации своих правовых обязанностей, не заинтересован брать на себя бремя участия, прежде всего финансового, в реализации парадигм естественности прав человека. И вовсе не случайно, интерес к данной парадигме медленно, но последовательно угасает в США, Англии, других очень самодостаточных государствах и доминирующих в них бизнес-сообществах.

Велико желание сделать так, чтобы реализация естественных прав человека – обременяла лишь самого человека – но это относится к разряду “коммунистических чудес”, которых не бывает и быть не может.

В этих условиях, почти объективных, вероятно, следует продолжить теоретические дискуссии о диалектичности личностных и государственных начал современной правовой доктрины, в том числе и о воспроизводстве интересов по поводу права, его применения и использования.

Доминирование естественных прав и интересов по их реализации менее успешных субъектов с учетом того, что их реализация относится в основном к обязанностям других, более успешных субъектов, субъектов других интересов, – фундаментальная, трудно разрешаемая на практике проблема, прямо и опосредованно влияющая на формирование современной правовой парадигмы, ее категориально-понятийного аппарата.

Все более углубляющаяся специализация субъектов правовых отношений, в том числе и по линии дифференциации материальных, духовных ресурсов, которыми они обладают и которые вплетены в правовую материю, обуславливает необходимость более взвешенного и менее ради-

³ Ланаева В.В. Либертарная концепция права В.С. Нерсесянца (К 70-летию со дня рождения) // Гос. и право. 2008. № 10. С. 69.

кального подхода к определению права, его регулятивных функций.

Для абсолютного большинства современных правопользователей и правоприменителей право рассматривается не как гуманистическая догма, не как желанное завтра, а как сегодняшние, современные возможности посредством тех или иных норм, механизмов решать конкретные проблемы и одновременно как тоже конкретные обремененности юридическими обязательствами (налог, кредит и т.д.). С учетом подобной приземленности и следует, как представляется, искать баланс естественности и позитивности в правопонимании, который задает важнейший и теоретический, и методологический, и практический ориентир для оптимизации в праве личных, корпоративных, государственных, социальных интересов. Но речь должна идти не о трех вариантах парадигмального самоопределения, о которых упоминает В.В. Лапаева, а о развитии доктринальных положений естественности и человека, и государства, и права, которая воплощается в конкретных условиях того или иного сообщества в позитивность и человека, и государства, и права. Необходимо стремиться в теоретико-правовых исследованиях к снижению уровня, остроты принципиальной альтернативности. Качество этой позитивности предопределяется не априори – или личностная доминанта, или государственная, – а ориентацией на взаимопонимание, на взаимосогласование, на своеобразный онтологический компромисс, облеченный в правовую материю, сущностно-содержательные, структурные признаки которой выражаются в понятии “правовой полицентризм”, где в качестве центров правоприменения, правопользования выступают личность и государство, семья и церковь, властвующее большинство и оппозиционное меньшинство.

Юридический полицентризм выражает реалии текущих правовых отношений и соответствует в целом полицентризму в самых разнообразных сферах общественного, в том числе и глобального, бытия.

Подобная научно-мировоззренческая ориентация теоретического правосознания позволит отечественным исследователям избежать ошибок мировоззренческо-идеологического изоляционизма, осуществлять более конструктивное взаимодействие с зарубежными исследователями.

В контексте юридического полицентризма актуализируется проблематика права и интересов, ибо юридическое многоцентрие формируется на основе разнообразия правовых и иных интересов субъектов прежде всего по причине их несовпа-

дения, а во многих случаях – и конфликтности интересов субъектов.

Содержательные, пространственно-структурные параметры предметного поля правоприменительных интересов в определенной степени видоизменяются под влиянием соотношения императивно-жестких и субъективно-творческих начал в толковании, в применении права, а по сути и в исходном правотворчестве.

Интенсификация жизненных коммуникаций, включая процессы глобального уровня, способствует сближению научно-мировоззренческих позиций сторонников англосаксонского и континентального права, в том числе и по поводу юридических прецедентов, степени участия судей в реальном правотворчестве, что, безусловно, сказывается и на правоприменительной практике, которая становится более разнообразной и более творческой. Субъективный интерес правоприменителей более активно участвует в адаптации юридических нормативных универсалий к конкретным правоприменительным ситуациям.

Определенная эластичность современного права, в том числе и континентального, – это не исследовательские предположения, а тенденции реальных правоотношений, которые требуют соответствующего осмысления как с юридических, так и с философских, социологических позиций, ибо корни данной тенденции выходят за пределы правового поля, в пространство соответствующих ментальных предпосылок, потребностей и интересов.

Известно, что проблематика естественного синтеза права и интереса особенно интенсивно и плодотворно разрабатывалась юридической наукой, в том числе и отечественной, в XIX в.

Инновационное, деидеологизированное, деполитизированное развитие современных теорий правоприменения предполагает необходимость более системного введения в сферу юридических научно-теоретических дискуссий, характерных для развития отечественного правоприменения второй половины XIX – начала XX вв., взаимозависимого бытия права и интереса и восстановления естественной для науки дискуссионно-аналитической преемственности.

С разных научно-мировоззренческих позиций, под различным углом зрения рассматривали проблематику права и интереса А.Д. Градовский, И.А. Ильин, Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий, И.А. Покровский, Б.Н. Чичерин, многие другие отечественные правоведы.

Известно, что Б.Н. Чичерин весьма критически относился к “присутствию” интереса в праве.

Но и он признавал взаимосвязь права и интереса в сфере как личного, так и публичного права.

“...К личному праву, – писал Б.Н. Чичерин, – всего менее приложимо понятие об общественном интересе. Частный интерес имеет, по крайней мере, непосредственную связь с личным правом. Он составляет то жизненное содержание, которое вносится в формальные начала права свободной волей лиц. Им определяется пользование правом. Общественным же интересом определяются не содержание, а границы личного права. Для последнего он составляет внешнее начало, которое оно должно уважать, так же как со своей стороны общественная воля должна уважать личное право. Если же эта воля, вторгаясь в область личного права, хочет подчинить его общественному интересу, то свобода лица исчезает: оно становится органом и орудием общества”⁴.

С нашей точки зрения, не утратили своей методологической актуальности положения Б.Н. Чичерина о диалектичности личного, гражданского права и частного интереса. Согласно позиции автора частный интерес не только непосредственно связан с личным правом, но и составляет его жизненное содержание. Интересом личности, согласно мнению Б.Н. Чичерина, определяется и пользование правом (подчеркнуто нами. – А.К.).

Нельзя оставить без внимания и актуальную проблематику воздействия общественных интересов на личное право и на личную свободу, которая весьма активно дискутируется в современном отечественном правоведении.

Аксиоматично утверждение Б.Н. Чичерина о том, что общественная воля, как выразитель общественных интересов должна уважать личное право.

Но, вероятно, и личная воля как выразитель личного интереса должна в той или иной мере считаться с реальным бытием общественных интересов. В контексте подобных размышлений не вполне убедителен тезис Б.Н. Чичерина о том, что если общественная воля, “вторгаясь в область личного права, хочет подчинить его общественному интересу, то свобода лица исчезает: оно становится органом и орудием общества”.

В системах действующего личного, гражданского права всегда присутствуют и общественная воля, и общественный интерес. Но при этом свобода субъекта права не исчезает, а подвергается определенной регуляции, в том числе и в интересах различных субъектов гражданских, личных отношений: собственника и не собственника, кредитора и должника и т.д.

В публичном социальном мире интенсивных, разнообразных отношений и интересов право, в том числе и гражданское, ограничивает свободу одних лиц, ради обеспечения свободы для других. Проблема лишь в степени влияния общественной воли, общественных, государственных интересов, в мере подобного влияния. Чем демократичнее общество, чем выше уровень правосознания населения, уровень правовой культуры, тем в большей степени обеспечиваются правом личные интересы граждан, расширяется пространство их правовой свободы, юридической самореализации.

Развитие права детерминировано прежде всего личным потенциалом, включая потенциал интересов. Анализируя данную взаимообусловленность, И.А. Покровский писал: “Личность растет, и понятие субъекта прав наполняется все более и более широким содержанием; личность добивается признания за собой новых и новых прав. При этом, разумеется, рост ее субъективных прав идет параллельно росту самого ее внутреннего содержания, росту ее интересов...”

Однако этот неуклонный рост личности имеет две стороны. В общем ходе экономического и культурного развития неизбежно повышается общий уровень требований личности в данной среде: растут самосознание и самооценка среднего, типичного человека, и в соответствии с этим расширяется общая система субъективных прав; право объективное неизбежно должно поспевать за этим возрастающим общим самосознанием и давать ему надлежащее удовлетворение”⁵.

Самоосознание личностью своих потребностей и интересов обуславливает качественные и иные изменения в системе субъективных прав, оказывая воздействие на адекватное развитие публичного права, – таков механизм актуализации разнообразных интересов субъектов и их включенности в нормы действующего права, в правоприменительную практику. Такова точка зрения И.А. Покровского.

Несколько иную позицию по поводу диалектики общественных, государственных, частных интересов занимал И.А. Ильин, полагая, что личность должна стремиться к синтезу собственных и общественных, государственных интересов, а не наоборот.

“Вести политическую жизнь, или, что то же, быть настоящим гражданином, – писал И.А. Ильин, – значит испытывать живое неразрывное тождество между интересом государства и своим

⁴ Чичерин Б.Н. Избр. труды. СПб., 1997. С. 65, 66.

⁵ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2009. С. 121, 122.

собственным интересом и через это признавать своим собственным интересом – каждый духовно верный интерес каждого из своих сограждан. К этому сводится основное содержание политической жизни”⁶.

Согласно воззрениям И.А. Ильина саморазвитие личности предполагает не только ее стремление к гармонизации частного интереса с интересами государства, но и духовную ориентацию на интересы других частных лиц и образованных ими корпораций.

Развивая данное положение, И.А. Ильин пишет далее: “Обрести в себе духовный интерес значит обрести в себе общечеловеческий и патриотический корень и политическое волеуправление. Это значит подтвердить основу своей личности в той глубине, на которой “мое дело” неразрывно сливается с делом “моего государства”, а интерес “моего государства” раскрывается как интерес общечеловеческий.

Однако это приятие государственного интереса совершается совсем не только в порядке самопожертвования, но и в порядке самоутверждения: ибо государство, ограждая и созидая национальную духовную культуру, приемлет, ограждает и питает духовный интерес каждого из своих членов”⁷.

Вероятно, не все идеи, положения, аргументы представителей отечественной юридической науки XIX – начала XX вв. претендуют на теоретико-методологический статус и мировоззренческую актуальность при осмыслении проблем современных юридических интересов, в том числе интересов по поводу применения норм права. Но их рассмотрение позволяет более системно представлять развитие теории интересов отечественными правоведами⁸.

Становление современных теорий юридического интереса происходит в изменившихся, нередко существенно, объективных материально-духовных условиях под воздействием более разнообразных, разнокачественных субъективных факторов.

В детерминационной триаде “интерес, воля, рациональность мышления”, предопределяющей бытие права, акцент значимости смещается в сторону интереса и рациональности. Существенные изменения происходят в структуре интересов, в их предметном поле, способах, методах их практической реализации, в том числе и с помощью власти, права, управления. Меняется и рациональность

духа и действия, в том числе рациональность правового поведения, в котором усиливаются интеллектуально-нравственные, интуитивные начала. Изменения затрагивают и проблемы научно-рационального осмысления сущности интереса, его представленности в современном правосознании и в юридической практике.

Интерес как опредмеченное желание, как сосредоточенность на ценном, значимом субъективен по своей сути и одновременно объективен как феномен социальности, феномен, объективно порожаемый совокупностью публичных отношений, неодиноконостью личности.

Личность, другие субъекты социального взаимодействия не могут быть свободны от объективности интереса. Вне интереса нет личности или иных думающих, действующих субъектов.

Мера субъективных и объективных начал в структуре интереса – также относится к проблематике “вечных”, перманентных дискуссий, к сожалению, нередко чрезмерно идеологизированных, мифологизированных и политизированных.

С нашей точки зрения, первичную субстанцию системы интересов образует субъективный интерес личности, вероятно, интерес материальный в современном понимании феномена “материальность”, хотя убедительны и аргументы в пользу первичности духовных интересов. Степень их актуальности-приоритетности предопределяется бытийной конкретностью.

В условиях современной России более значимы и актуальны для большинства групп населения, для государства материальные, финансово-экономические интересы. Они же доминируют и в качестве мотиваторов правотворческой, правоприменительной деятельности, а также широко представлены в действующем федеральном и региональном законодательстве, причем не только и не столько терминологически.

В современной философии, социологии, психологии, экономических науках уже сложился соответствующий категориально-понятийный аппарат для выражения различных интересов. Подобная традиция лишь начинает складываться в сфере теоретического правоведения. Причем заметно проявляется тенденция запоздалой научной категоризации феномена “юридический интерес”. Многие термины из данного категориально-понятийного ряда уже давно включены в ткань действующего законодательства, а в научной сфере лишь приступают к продуктивным дискуссиям по поводу их содержания. Это нередко приводит к тому, что законодатели или не дают в нормативном правовом документе соответствующего определения, или используют лишь одну из многих,

⁶ Ильин И.А. Теория государства и права. М., 2003. С. 268.

⁷ Там же.

⁸ См. более подробно: Кузьмина А.В. Категория «интерес» в философии и праве. М., 2009.

весьма дискуссионных ее версий, по которой не достигнуто хотя бы минимально приемлемого консенсуса ученых-правоведов.

Примерно такая ситуация сложилась по поводу понятий “юридический интерес”, “законный интерес”. С нашей точки зрения, это понятия, относящиеся к разным квалификационным номинациям.

Юридический интерес – более объемное, более структурное, функционально содержательное понятие в сравнении с законным интересом.

Юридический интерес есть опредмеченное желание, внутренняя сосредоточенность субъекта на обладании ценностями, ресурсами правовой реальности, включая ее духовный и практический уровни, т.е. сферу правосознания и сферу юридической практики. Исходным критерием правового, или юридического, интереса субъекта выступает практика его адаптации и актуальной правовой реальности, сознательная включенность в систему правовых отношений.

Сознательность юридикации личности, других субъектов образует своеобразное ядро системы генезиса, воспроизводства и реализации юридических интересов.

В современном мире, для которого характерна социальная хаотизация, юридикация личности, прежде всего ее духовного мира, с нашей точки зрения, выступает одним из важнейших индикаторов качественной социализации, причем не только ее адаптации к уже сложившимся реальностям, но и такой социализации, которая предполагает заинтересованность субъекта за счет использования правовых ресурсов стать активным, результативным, конкурентоспособным участником жизненных коммуникаций, распределения жизненных ресурсов.

Юридический интерес – это внутренняя характеристика субъекта. Законный интерес – внешняя легитимная санкция по ограничению пространства для публичной реализации интересов, причем не только юридических, но прежде всего интересов экономических, социальных, политических. Законность есть упорядочивание интересов. В идеале законность есть гармонизация интересов.

Несколько в иной познавательной-рефлексивной плоскости следует рассматривать понятие “правоприменительный интерес”.

Воплощение правовых идей, догм, принципов в реальную практику осуществляется в текущем законодательстве, где посредством легитимного критерия “законность” реализуются и самые разнообразные интересы субъектов.

Функционирование подобного механизма трансферта интересов в текущее законодательство формирует детерминационное поле генезиса правоприменительной практики, в том числе и правоприменительных интересов.

В действительности в реально функционирующем праве, в том числе и современной России, органично наряду с другими мотивационными ресурсами представлены правотворческие интересы, правоприменительные интересы, интересы правопользователей.

Актуальной и весьма дискуссионной современной проблемой являются детерминационные основы правоприменительного поведения, впрочем, как и иных видов юридической активности и пассивности.

Среди наиболее значимых мотиваторов современного юридического поведения следует выделить: интересы субъекта правовых отношений, религиозные, этические, семейные, иные ценности; характерологические, волевые ресурсы; уровень правосознания, юридической компетентности; социальную, профессиональную ответственность, служебный долг; личный, антисоциальный умысел; страх наказания за бездействие или неадекватные действия; социальную, идеологическую, политическую, этническую, иную солидарность.

Правоприменительный интерес является одним из многих феноменов духовно-деятельностного потенциала государства как основного легитимного субъекта власти, политики, правотворчества и правовых регуляций. Позитивно относясь к децентрализации и власти и политики, и права, следует заметить, что этот процесс пока не достиг такой черты, за которой начинается массовая плюратизация правоприменительной субъектности.

По своему статусу и функциональным проявлениям правоприменительный интерес относится к классу “вторичных” интересов – мотиваторов поведения в правовом поле.

Правоприменительный интерес внутренне детерминирован множеством первичных, базовых интересов субъекта, в том числе экономических, социокультурных, идеологических, политических. В качестве детерминант правоприменительного интереса следует рассматривать и иные мотивы – личную и социальную ответственность, религиозную догматику, страх, боязнь наказания и т.д.

Все эти феномены-мотиваторы в “снятом” виде вплетены в материю правоприменительного интереса, усложняя его структуру, механизмы функ-

ционирования, а значит, и процессы исследования данного явления.

Вероятно, не следует рассматривать как окончательно решенную проблему правовой, юридической субъектности, имеющей прямое и опосредованное отношение к комплексному исследованию места и роли интересов в правовом пространстве.

В этой обширной проблематике выделим лишь вопросы, относящиеся к субъектам применения права.

В современном отечественном юридическом терминоведении три основных класса правовой деятельности (активности) выражаются терминами “создатель правовых ресурсов”, “применитель правовых ресурсов”, “пользователь правовыми ресурсами”.

Наивный гуманист может считать создателем правовых ресурсов, прежде всего норм права, личность – гражданина.

Более просвещенный гуманист будет обосновывать тезис о том, что создателем права, главным субъектом правотворчества является народ.

Для подготовленного реалиста очевидным и бесспорным является утверждение о том, что субъектом правотворчества выступают легитимные органы законодательной власти.

Очевидно, что в этой номинации личностная составляющая субъектности представлена весьма незначительно, как весьма незначительно представлены в сфере правотворчества интересы лично-уникального характера. Подобные интересы могут иметь место в праве, защищены правом лишь при условии, что к субъектам правотворчества в той или иной мере будет отнесен судья.

Вероятно, общая схема вводных размышлений по поводу субъектов правотворчества применима и к рассмотрению реестра правоприменителей.

И в этой номинации личностное представительство весьма незначительно. Действующее право применяет, если следовать сложившимся универсальным представлениям, не личность, а уполномоченные на то структуры судебной, исполнительной власти и “лица при исполнении” государственных функций.

Личностно-субъектная составляющая правовой реальности, правовых отношений широко и многоаспектно представлена в номинации пользователей правовыми ресурсами.

Схема подобной классификации достаточно утилитарна и рациональна, особенно в контексте доминирующей парадигмы всевластия и тотальности государства, в создании которых (всевластия и тотальности) якобы участвовал каждый че-

ловек или по крайней мере каждый дееспособный, правоспособный гражданин.

Но меняется бытийная, в том числе властно-правовая, реальность, меняются и представления о ней.

Государство постепенно, добровольно (или не добровольно) утрачивает некоторые признаки всевластия и управленческо-регулятивной тотальности. В сфере правовых регуляций нарастает конкуренция между государством и институтами гражданского общества – политическими партиями, общественными движениями, профессиональными, творческими, религиозными объединениями.

По классической классификации политическая партия, профсоюзы, семья, церковь как институты гражданского общества в правовом поле выступают в ранге типичного правопользователя. Правопользователем является не включенное в структуру государства юридическое и физическое лицо.

В некотором роде научно-мировоззренческий классицизм вступает в противоречие с реальными тенденциями, мотивируя тем самым интерес к расширению поля дискуссий по проблемам правоприменительной субъектности.

Серьезным поводом для подобных дискуссий с привлечением и новых участников, и новых фактов, и новых аргументов является определенная “реабилитация” идей естественности, несотворимости права как бытийной сущности человека и человеческого сообщества. Подобные идеи находят большое число сторонников и в отечественном правоведении, прежде всего теоретического уровня.

Естественность права в определенном смысле дезавуирует претензии государства на статус субстанционального и единственного субъекта применения юридических норм.

Если право человека и человеческих ассоциаций различных видов естественно, то в естественной части суммативной правовой системы находятся равнозначные, равновеликие субъекты правоприменения – личность, семья, государство и т.п.

Например, признание естественным права человека на жизнь, на человеческое достоинство априори предполагает, что основным субъектом применения данного вида естественного права является личность. Государство, другие легитимные социальные, властно-политические, духовно-идеологические, иные сообщества лишь способствуют обеспечению этих прав.

Нельзя внешними правовыми средствами принудить человека к обладанию человеческим до-

стоинством или навязать ему тотальное желание жить.

Подобные размышления отличаются не только здравым смыслом, но и определенной рациональностью и логичностью, как и размышления о доминирующей правоприменительной субъектности государства.

Другая группа исследовательских проблем порождается нарастающей тенденцией децентрализации государственно-регулятивной системности. Наиболее характерные примеры – становление институтов муниципального, местного управления и самоуправления.

Повсеместное, массовое использование формул “государственное и муниципальное управление”, “государственное управление и местное самоуправление”, применение в них союза “и” означает, что юридическая практика рождает новые явления, процессы, требующие более адекватного отношения к правоприменительной субъектности, в том числе и органов местного самоуправления, оказавшихся в некотором роде за пределами государственных централизованных правовых, правоприменительных регуляций, а значит, и к анализу механизмов формирования правоприменительных интересов на уровне местных сообществ.

Предметом современного осмысления и актуального развития являются идеи, положения И.А. Покровского о методах, способах правоприменительной деятельности в сфере регулирования частных или гражданских интересов.

“К совершенно иному приему прибегает право в тех областях, которые причисляются к сфере права частного, или гражданского, – пишет И.А. Покровский. – Здесь государственная власть принципиально воздерживается от непосредственного и властного регулирования отношений; здесь она не ставит себя мысленно в положение единственного определяющего центра, а, напротив, представляет такое регулирование множеству иных маленьких центров, которые мыслятся как некоторые самостоятельные социальные единицы, как субъекты прав. Такими субъектами прав в большинстве случаев являются отдельные индивиды – люди, но, сверх того, и различные искусственные образования – корпорации или учреждения, так называемые лица юридические.

Все эти маленькие центры предполагаются носителями собственной воли и собственной инициативы, и именно им предоставляется регулирование взаимных отношений между собой”⁹.

В современных обществах, в том числе и в российском, функционирует огромное число подобных центров правоприменения, которые благодаря наличию собственной юридической воли, собственной правовой инициативы, собственных правоприменительных интересов и целей участвуют без обременительных посредников в прямых правоотношениях.

Относить данное активное сообщество людей, физических, юридических лиц лишь к номинации правоисполнителей, вероятно, в современных условиях не совсем корректно.

Исследователь правоприменительных интересов конкретных их носителей, действующих в конкретном юридическом поле, должен иметь исходные научно-мировоззренческие представления, хотя бы общего гипотетического характера, о мере представленности в предмете своего последующего анализа начал юридической централизации и юридической децентрализации. Невнимание к этой сфере исследовательского, многоэтапного процесса может существенно усложнить изучение проблематики юридических интересов, в том числе и интересов правоприменителей. Исходное научно-мировоззренческое субъективное диагностирование типичных интересов, представленных в правовом поле и выраженных в действующем законодательстве, а также тех или иных доминант интересов, особенно интересов личности и государства, позволит исследователю более адекватно определить проблемные точки в предмете последующего изучения, сформулировать набор инновационных гипотез, выбрать наиболее продуктивные приемы, методики познания.

Стоит заметить, что современное теоретическое правоведение, как и другие социально-гуманитарные науки, ощущает весьма неоднозначное влияние методологического постклассицизма, его различных, нередко весьма сомнительных, новаций особенно по поводу “устаревшего” познавательного рационализма и доминирующих воззрений на интерпретационно-субъективные параметры научной результативности.

Следование всей совокупности подобной креативности мышления некоторых авторов вряд ли обогатит методологический инструментарий познания правоприменительных интересов.

В море методологического субъективизма следует выбирать лишь приемлемые интеллектуально-познавательные ресурсы, в том числе и более конкурентоспособные, в сравнении с некоторыми классическими методологическими постулатами.

Одной из таких методологических инноваций, применимой и к исследованию правоприменительных интересов, является признание юри-

⁹ Покровский И.А. Указ. соч. С. 43.

дической научной значимости метафизических правовых понятий и процедур их особого обоснования, в том числе и в структуре действующего законодательства.

Размышляя о подобной метафизичности, В.С. Степин пишет: “Позитивизм требовал устранить из теории как метафизические все понятия, не проходящие через процедуру верификации... Но теорию нельзя свести к сжатой сумме наблюдений, а понятия теории нельзя считать только фиксацией явлений, наблюдаемых в области, описываемой теорией (теория отображает не явления, а сущность процессов реального мира...)...”

Позитивистская трактовка теории и вытекающие из нее “прямолинейные рецепты” устра-

нения из науки всех ненаблюдаемых понятий приводили к тому, что ни одна научная теория не могла сохраниться, если ее подвергнуть “чистке” по рецептам методологии логического анализа”¹⁰.

В подобную познавательную рецептурологию не вписывается и проблематика правоприменительных интересов, бытие которых не всегда выступает в явном виде как явление, или как фиксируемый факт, что, безусловно, предполагает использование в познавательном процессе как рационально-логических, так и иных процедур.

¹⁰ *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2003. С. 518.